

Научная статья

УДК 316.621

DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(4).17

Д.С. Хаустов*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация***Е.В. Зими́на***Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО: ЦЕННОСТИ СОБИРАТЕЛЕЙ, ПРОМЫСЛОВАЯ ЛОГИКА И ЭКОНОМИКА ДАРА

АННОТАЦИЯ. Рассматривается феномен социального иждивенчества, как явление, которое сопровождало жизнедеятельности общества во все времена. На основе анализа теоретических источников и эмпирических исследований проводится параллелизм стратегий иждивенчества. Анализируется эволюция морально-этических ценностей человеческих сообществ через труды К. Поланьи, И. Морриса, Т. Шанина и др. Описывается конвергенция систем морально-этических ценностей доисторических, внеисторических социумов и современных обществ. Иждивенчество рассматривается как промысел, промежуточная техника и экономика дара. Изучается уникальный феномен, который практически никак не отражается в информационном поле, не находит прямого учета в официальной статистике, но отлично известен в российской повседневной жизни — «гаражники». На основе глубокого теоретического анализа делается вывод о том, что для практик иждивенчества характерна некая форма крайне архаичного эгалитаризма, а сближение ценностей собирателей и членов постиндустриальных сообществ находит свое выражение в промысловой, то есть по сути присваивающей логике хозяйственных практик современности. Теоретические построения современных актуальных исследований резонируют с эмпирическими исследованиями, как гаражного социально-экономического уклада, так и практик социального иждивенчества. Концептуальные подходы, рассмотренные в статье, имеют потенциал изучения различных социально негативных явлений современного общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Практики социального иждивенчества, социальные ценности, безусловный базовый доход, собиратели, «гаражники».

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 8 октября 2021 г.; дата принятия к печати 23 ноября 2021 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2021 г.

Original article

D.S. Khaustov*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation***E.V. Zimina***Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

SOCIAL DEPENDENCY: THE VALUES OF COLLECTORS, FISHING LOGICS AND THE ECONOMICS OF GIFT

ABSTRACT. The phenomenon of social dependence is considered as a phenomenon that accompanied the life of society at all times. On the basis of analysis of the theoretical resources and empirical studies, a parallelism of dependency strategies is carried out. The evolution of the moral and ethical values of human communities is analyzed through the works of K. Polanyi, I. Morris, T. Shanin and others. The convergence of systems of moral and ethical values of prehistoric, non-historical society and modern societies is described. Dependency is considered as fishing, intermediate equipment

© Хаустов Д.С., Зими́на Е.В., 2021

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

and gift economics. A unique phenomenon is being studied, which is practically not reflected in the information field, does not find direct accounting in official statistics, however, is well-known in Russian everyday life — «garage-owners». Based on a deep theoretical analysis, it is concluded that the practices of dependency are characterized by a certain form of extremely archaic egalitarianism, and the convergence of the values of collectors and members of post-industrial communities is expressed in fishing, that is, in essence assigning logics to economic practices of our time. The theoretical constructions of the modern topical studies resonate with the empirical studies, both of the garage socio-economic structure and the practices of social dependence. The conceptual approaches discussed in the article have the potential to study various socially negative phenomena of the modern society.

KEYWORDS. Social dependency practices, social values, unconditional basic income, collectors, «garage-owners».

ARTICLE INFO. Received October 8, 2021; accepted November 23, 2021; available online December 30, 2021.

Проблема иждивенчества и социального паразитизма сопутствуют функционированию социального государства практически с момента его появления на сцене истории. В частности, Карл Поланьи в знаменитой «Великой трансформации» анализирует знаменитый Спинхемленд — первый в истории Запада нормативный акт, предполагающий выплату, как сказали бы сейчас, своеобразного безусловно-базового дохода для жителей Англии, названный так по месту, где было принято знаменитое решение коллегией мировых судей. Современник тех событий отмечал: «Налог в пользу бедных превратился в желанную добычу для многих... Чтобы урвать свою долю, наглецы и грубияны пытались застрачивать начальство; развратники выставляли на показ незаконнорожденных детей, которых нужно было кормить; бездельники, скрестив на груди руки, спокойно ожидали, пока им ее принесут; невежественные девицы и парни на эти деньги венчались; браконьеры, воры и проститутки вымогали их угрозами; сельские мировые судьи щедро раздавали их ради популярности, а попечители — для того чтобы освободить себя от лишних забот. Вот как расходовались эти средства...» [1, с. 115].

В недавно опубликованной работе, посвященной практикам социального иждивенчества в Иркутской области, можно найти фрагменты интервью с экспертами во многом воспроизводящие процитированную выше сентенцию современника королевы Виктории:

«В центр занятости населения в целях поиска подходящей работы обратился безработный гражданин-сирота. Данному гражданину специалист выдал направление на работу. При обращении непосредственно к работодателю гражданин настоятельно просил его не брать на работу, работодатель же наоборот желал взять его. Тогда в адрес работодателя посыпались такие угрозы, что работодатель был вынужден отказать ему в приеме на работу, а также снять вакансию. В данном случае социальное иждивенчество заключалось в том, что гражданину невыгодно было осуществлять трудовую деятельность, так как размер оплаты труда был ниже выплачиваемого пособия по безработице для данной категории граждан». <...>

«...пишет девушка...: «Я из детского дома. Стала выпускницей. Я сразу же родила. Стала получать пособие, но маленькое. Я родила еще одного ребенка, тоже пособие маленькое. Потом еще родила». И вот обращается чуть не сразу к президенту «дайте, пожалуйста, мне квартиру»». <...>

«В центре занятости гражданину со статусом безработного предложили подходящие вакансии с заработной платой 10 тыс. руб., посмотрев эти вакансии, он ответил: «что-то зарплата маленькая, я лучше у вас пособие получать буду». На тот момент пособие было около 800 руб.». <...>

«...были такие ребята, которые выписывались из детских домов, и они вообще ничего не собирались даже делать. И не собираются... они просто ждут, когда им дадут квартиру, чтобы быстренько перепродать ее в полцены и купить себе машину... погулять куда-нибудь съездить. Все». <...>

«На мой взгляд, наиболее ярким примером социального иждивенчества является поведение детей-сирот, выпускников социальных интернатных учреждений, которые при достижении 18 лет стремятся получить инвалидность и затем определится в качестве получателя социальных услуг в стационарное учреждение для инвалидов. Дома-интернаты для престарелых и инвалидов по Уставу принимают на обслуживание совершеннолетних инвалидов в возрасте старше 18 лет» [2, с. 84–92].

Система ценностей: собиратели и потребители ископаемого топлива

Откуда же появился этот примечательный параллелизм стратегий иждивенчества?

В недавно переведенной на русский язык работе Иэна Морриса «Собиратели, земледельцы и ископаемое общество» анализируется эволюция морально-этических ценностей человеческих сообществ. Автор приходит к выводу, что характер последних является зависимой величиной перед объемами извлекаемой энергии. Выводы И. Морриса сильно упрощенно выглядят так: человечество изобрело три главных способа получать необходимую энергию: собирательство, земледелие и использование ископаемого топлива. В крохотных отрядах охотников и собирателей лучше всего живется тем, кто ценит равенство, но готов решать конфликты путем насилия; в крупных аграрных обществах в наиболее выгодном положении оказываются те, кто ценит иерархию и в меньшей степени склонен прибегать к насилию; наконец, в гигантских современных обществах потребителей ископаемого топлива наметилась ярко выраженная тенденция в сторону равенства, при еще большем удалении от насилия [3, с. 4].

В табличной форме концепция автора книги выглядит следующим образом:

Идеал нравственных ценностей у собирателей, земледельцев и потребителей ископаемого топлива [3, с. 245]

	Собиратели	Земледельцы	Потребители ископаемого топлива
Политическое неравенство	Плохо	Хорошо	Плохо
Имущественное неравенство	Плохо	Хорошо	Средне
Гендерное неравенство	Средне	Хорошо	Плохо
Насилие	Средне	Средне / плохо	Плохо

Нам кажется, что автор, с одной стороны, несколько идеализирует современное ему массовое общество и сообщества охотников и собирателей, а с другой — довольно критичен к традиционным (аграрным) обществам. В то же время, по нашему мнению, эвристична конвергенция систем морально-этических ценностей доисторических и внеисторических социумов, с которыми на современном этапе развития человечества в каком-то смысле сближаются некоторые из постиндустриальных обществ.

Например, довольно любопытна эволюция технологий распределенного реестра, как ее понимают некоторые современные идеологи анархизма [4, с. 161–245; 5]. Интересна концепция проектного соинвестирования (shared investing) [6, с. 299–302] и распределенной экономики в целом. Обескураживает отказ от уча-

ствия в электоральных процедурах в постиндустриальных сообществах: в США почти 100 млн американцев, обладающих правом голоса, не ходят на выборы — М. Пенн и М. Файнман называют таких «избирателями от диванной партии» [7, с. 300–307], а И. Крастев говорит о «большинстве, голосующем пустыми бюллетенями» [8, с. 35–38].

Все эти разнородные тенденции, говорящие о, казалось бы, противоречивом возрастании как духа коллективизма, так и идеологии индивидуализма чем-то действительно напоминают мир вне и до государств [9].

Нам же кажется, что сближение ценностей собирателей и членов постиндустриальных сообществ находит свое выражение в промысловой, то есть по сути присваивающей логике хозяйственных практик современности.

В качестве характерного симптома указанной тенденции интересно проследить параллели между так называемыми «гаражниками» и подсечно-огневыми земледельцами, просуществовавшими на европейском Севере России практически до 1917 г.

Гаражники и подсечно-огневое земледелие: . промысловая логика хозяйствования

Собственно говоря, кто такие «гаражники»? Авторы известного исследования С. Селеев и А. Павлов характеризуют их так: «Гаражники, то есть люди, занятые трудовой деятельностью в гаражах, — уникальный феномен, который практически никак не отражается в информационном поле, не находит прямого учета в официальной статистике и как бы невидим для государства, но отлично известен в российской повседневной жизни.

Действительно, практически каждый житель провинциального города так или иначе сталкивался с гаражной деятельностью: чинил автомобиль у «дяди Васи», вставлял окна, изготовленные в соседнем гаражно-строительном кооперативе, или покупал у гаражников мебель...» [10, с. 7].

На наш взгляд, бросается в глаза сложный, многопрофильный и нетривиальный характер деятельности крестьян-лесовиков и гаражников, предполагающий набор универсальных навыков и частую смену профиля хозяйственной активности. Специалист по истории подсечно-огневого земледелия В.П. Петров следующим образом характеризует способ хозяйствования в условиях почти сплошных лесных массивов, типичных для Северной Евразии: «Ежегодные поиски новых лесных участков, удовлетворяющих определенным требованиям места и почвы, значительная трудоемкость работ по земледельческому освоению выбранного участка, валка деревьев с помощью подсечки или рубки, роль огня в производственном процессе, посев в золу, ограниченные размеры лесного посевного участка, продолжительный срок подготовки подсеки к выжигу и короткое время хозяйственного пользования рощистью, забрасывание участка после сбора урожая и лесовозобновление — все это взаимозависимые звенья в системе подсечно-огневого земледелия, как составной части лесного хозяйства, в которое, наряду с подсечно-огневым земледелием, входили также охота, бортничество, рыболовство, лесные промыслы и ремесла, опирающиеся на использование лесной растительности» [11, с. 10].

Вероятно, ближайшим историческим аналогом постсоветских гаражей можно считать промысловые помещения при старых помещичьих усадьбах, но эта аналогия во многом непродуктивна, поскольку объединение промысловиков по профессиональному признаку (в цеха) принципиально отличается от объединения гаражников по географическому признаку (в гаражах)» [10, с. 9–10]. На наш взгляд, гаражи — это в определенном смысле часть вмещающего ландшафта в его урбанизированном варианте — место ведения промысла.

Жизнь лесных людей до поры была самодостаточна, а в гаражно-строительных кооперативах могут оказываться все услуги, необходимые для автономного существования, которое сводит к минимуму связи с внешним миром [10, с. 41].

Отчасти это похоже на ситуацию последних лет Российской империи, где «крестьяне, перебирающиеся в города, имели тенденцию селиться там компактно, формируя специфическую среду, для которой был характерен артельный дух и уклад жизни. Артель — это традиционный способ организации группы крестьян, уходящих в город на временные заработки. Обосновываясь в городе постоянно, крестьяне, тем не менее, старались держаться сообща и поддерживать друг друга в случае необходимости», — отмечает Теодор Шанин [12, с. 50–51].

В связи с многопрофильностью подсечного хозяйствования В. Петров отмечает, что отдельные виды работ, соотносимые с лесным хозяйством в его общей производственной структуре, выполнялись, как правило, в тесном взаимодействии с другими членами лесного сообщества, как, например, охота и розыски подсеки, промысловая и земледельческая подсека и т.д. [11, с. 11]

Также и С. Селеев и А. Павлов отмечают, что далеко не все гаражники занимаются лишь каким-то одним видом деятельности: зачастую, последние стараются активно использовать самые разные возможности и удовлетворять все новые потребности своего социального окружения. Например, автомаляр может покупать и восстанавливать битые автомобили, чтобы «поставить их на такси»; мебельщик, при отсутствии заказов, занимается интернет-маркетингом; пекарь во время простоя ремонтирует электронику; сварщик покупает «газель» для подработки и т.п. Часто в подобных случаях обычный вопрос: «Чем вы занимаетесь?» ставит респондентов в тупик, несмотря на то что общение происходило в оборудованном гараже во время работы.

Гаражники, многократно менявшие вид деятельности под воздействием изменившихся внешних условий, причем очень часто — не покидая прежнего гаража, встречаются довольно часто [10, с. 58–59].

О чем нам может сказать подобный характер активности в рамках «гаражного уклада» в его соотношении с подсечно-огневым земледелием?

Иждивенчество как промысел, промежуточная техника и экономика дара

Один из авторов этого текста ранее писал о том, что гаражный уклад — это в определенной степени постсоветская адаптация «промежуточной техники» (intermediate technology) [13]. Автором концепции промежуточной техники, также известной как «подходящая техника» (appropriate technology), является британско-немецкий экономист Эрнст Шумахер [14]. Подходящая техника — это комплекс технологий, адаптированных к территориям социально-экономической периферии: рабочие места, удовлетворяющие критериям промежуточных технологий, должны быть локализованы, массовы, дешевы, с низкой капиталоемкостью и минимальными требованиями к рабочей силе принимающей территории [15, с. 215]. Попросту говоря, подходящая техника должна помочь выжить депрессивным районам, пострадавшим после обвальной деиндустриализации 90-х гг. *Именно это, на наш взгляд, и роднит гаражников с социальными иждивенцами: практики социального иждивенчества в некотором смысле воспроизводят как промысловый характер гаражной экономики, так и демонстрируют адаптивный потенциал, характерный для промежуточной техники.*

И опять обратимся к экспертным интервью в монографии «Практики социального иждивенчества в современной России»:

«Среди моих знакомых есть молодые семьи, живущие в сельской местности, в которых муж и жена живут совместно в незарегистрированном браке, имея

детей, причем один из них находится в декретном отпуске, а другой не работает или работает неофициально (или оба не работают). Мама получает пособие от государства на детей и относится к категории матери-одиночки, пользуется льготами. Получается, вся семья живет на пособие детей». <...>

«Представьте, мать лишается родительских прав. Мы, как учреждение, обязаны провести работу и вернуть ребенка в семью. Матери предлагают устроиться на работу, встать в центр занятости на учет и так далее. Мать говорит: «Да зачем? Да вы что? Мой ребенок накормлен, одет, обут, вы его развлекаете и еще дадите квартиру. А когда он выйдет из учреждения, окончит учебное заведение, в котором вы же его и обучите, и он получит квартиру. И пусть получает дальше». И маме предлагаем работу в своем учреждении, они отказываются». <...>

«Совершение повторного противоправного деяния, с целью осуждения и получения наказания и отбывания его в местах лишения свободы. На вопрос: почему и зачем? ответ: там кормят, одевают, есть, где спать, там за тебя все решают, не нужно думать, где найти работу и как себя обеспечивать». <...>

«Человек, имеющий пожизненную инвалидность 2 группы, внешне здоровый и крепкий мужчина, прикрываясь инвалидностью, имея объективную возможность и образование, многие годы не работает, прикрываясь инвалидностью и злоупотребляя спиртными напитками, живя за счет пенсии от государства и маминной пенсии». <...>

«Нужно отметить скорее умение пользоваться законами и желание добиться положенных льгот с максимальной выгодой. Часто происходит так, что те, кто действительно нуждается в помощи, оказывается «за бортом» в связи с ушлостью и предприимчивостью более оперативных умельцев воспользоваться социальными благами, преодолев все препятствия на пути реализации нормативно-правовых актов, имеющих законную силу. Например, добиться внеочередного получения жилья или успеть своевременно предоставить заявление на получение 2 тыс. рублей к 9 мая на основании Закона Иркутской области... «О статусе детей Великой Отечественной войны, проживающих в Иркутской области, и мерах социальной поддержки граждан, которым присвоен статус детей Великой Отечественной войны, проживающих в Иркутской области» [2, с. 90–92].

Впрочем, все это также отсылает к «экономике дара» в интерпретации выдающегося специалиста по социологии религии Андрея Игнатьева, согласно которому, такой хозяйственный уклад — «это поистине «лаканианская» экономика, потому что ее регулятивным принципом является вовсе не извлечение прибыли, как при капитализме, и не соблюдение трудовой или финансовой дисциплины, как при социализме, а вполне традиционный для волшебной сказки императив исполнения желаний, прежде всего, конечно, желаний ребенка, ну а потом его/ее матери как следующей по порядку фигуры в иерархии статусов «женского мира». Сегодня такую экономику можно наблюдать воочию в периоды больших предпраздничных распродаж или на воскресных гуляниях... Самая примитивная форма такой экономики, конечно, обычное первобытное собирательство или его более «продвинутой» разновидность, попрошайничество, сохранившееся до наших дней прежде всего как занятие детей, женщин и стариков, такой же точно экономикой дара, очевидно, является и классическая организованная преступность, не случайно ее элементарной структурной единицей является семья, история которой обычно восходит к какой-нибудь решительной женщине, в самое неподходящее время оставшейся с детьми на руках без «кормильца» [16, с. 292–293].

Впрочем, для практик иждивенчества также характерна некая форма крайне архаичного эгалитаризма. Например, И. Моррис, анализируя этос собирателей

приводит такой довольно неаппетитный случай, наблюдавшийся у племени бака в Камеруне: мальчик из этого сообщества убил большого паука из лука, а затем аккуратно поделил его съедобные части с товарищами по охоте. Одному из ребят досталось три ноги, двум другим — только по две с половиной конечности жертвы. Чтобы компенсировать недостачу полноты у двух участников охоты, им было предложено по половинке головогруды несчастного паука [3, с. 87]!

А в нашей социальной реальности можно наблюдать следующую ситуацию: «ФЗ № 256 от 29.12.2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (материнский капитал), в частности, в предусмотренных требованиях данного Закона, в силу которых категории, имеющие право на получение материнского капитала, при этом не учтены такие основания отказа в его выплате, как **смерть рожденного ребенка (!), с рождением которого возникло это право.** В связи с правовым пробелом заинтересованные лица обращаются за выплатой материнского капитала и получают, ведь для его получения достаточно такого основания как рождение и предоставление свидетельства о рождении» [2, с. 89–90]. Вырисовывается какая-то вызывающая к архаике эгалитаристская солидарность живых и усопших, где имеются взаимные обязательства кормить и поддерживать друг друга, что, в общем-то, достойно отдельного исследования в рамках парадигмы культурной антропологии.

Список использованной литературы

1. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. — Санкт-Петербург : Алетей, 2014. — 312 с.
2. Практики социального иждивенчества в современной России (опыт и результаты регионального исследования) / И.С. Карпикова, Е.И. Нефедьева, Е.В. Зимина [и др.] ; под ред. И.С. Карпиковой. — Москва : Библио-Глобус, 2018. — 204 с.
3. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / И. Моррис ; под ред. С. Мэсидо. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 488 с.
4. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / А. Гринфилд. — Москва : Дело, 2018. — 424 с.
5. Тарасов Д. От золота до биткойна / Д. Тарасов, А. Попов. — Москва : Альпина Паблишер, 2018. — 98 с.
6. Чернышев С. Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн / С. Чернышев. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 391 с.
7. Пенн М. Микротренды, меняющие мир прямо сейчас / М. Пенн, М. Файнман. — Москва : Альпина Паблишер, 2019. — 430 с.
8. Крастев И. Управление недоверием / И. Крастев. — Москва : Европа, 2014. — 128 с.
9. Богодельникова Л.А. Проблема построения целостной картины мира: человекообразность научного и ненаучного познания / Л.А. Богодельникова. — DOI 10.17150/2500-2759.2020.30(4).566-574 // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 4. — С. 566–574.
10. Селеев С. Гаражники : монография / С. Селеев, А. Павлов. — Москва : Страна Оз, 2016. — 168 с.
11. Петров В. Подсечное земледелие / В. Петров. — Киев : Наукова думка, 1968. — 228 с.
12. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925 / Т. Шанин. — Москва : Дело, 2019. — 408 с.
13. Хаустов Д.С. Гаражники: дым промежуточной техники и зеркала социологических концепций / Д.С. Хаустов. — DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-3-198-210 // Мир России. — 2018. — Т. 27, № 3. — С. 198–210.
14. Жигас М.Г. Блокчейн и децентрализованная денежная система: принципы построения и пути развития / М.Г. Жигас, С.Н. Кузьмина. — DOI 10.17150/2500-2759.2020.30(1).79-88 // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 79–88.

15. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / Э. Шумахер. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. — 352 с.

16. Игнатьев А. Синдром вертепа: кризис как перформативный контекст / А. Игнатьев. — Москва : Век XX и мир, 2020. — 400 с.

17. Карпикова И.С. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования / И.С. Карпикова, Е.В. Зими́на, А.А. Соломеин. — DOI 10.17150/2500-2759.2018.28(1).123-130 // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 1. — С. 123–130.

Информация об авторах

Хаустов Дмитрий Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: dmitry.khaustov1982@mail.ru, SPIN-код: 8402-2813, Scopus Author ID: 55377803300.

Зими́на Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ZiminaEV@bgu.ru, SPIN-код: 7407-8413, Scopus Author ID: 56809118800.

Authors

Dmitry S. Khaustov — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, dmitry.khaustov1982@mail.ru, SPIN-Code: 8402-2813, Scopus Author ID: 55377803300.

Ekaterina V. Zimina — PhD in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Psychology, Irkutsk, Russian Federation, ZiminaEV@bgu.ru, SPIN-Code: 7407-8413, Scopus Author ID: 56809118800.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Хаустов Д.С. Социальное иждивенчество: ценности собирателей, промысловая логика и экономика дара / Д.С. Хаустов, Е.В. Зими́на. — DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(4).17 // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 12, № 4.

For Citation

Khaustov D.S., Zimina E.V. Social Dependency: the Values of Collectors, Fishing Logics and the Economics of Gift. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 4. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(4).17.